

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO, 243 WEST 56th STREET, N.Y., 10019
USPS 398-960

ВОСКРЕСЕНЬЕ 29 ИЮНЯ 1980 ГОДА

VOL. LXX № 25.235, SUNDAY, JUNE 29 1980

СТАРЕЙШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА В МИРЕ
ВЫХОДИТ С 1910 ГОДА

PRICE 40¢

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Леонид Ржевский

А. М. РЕМИЗОВ И ЧИТАТЕЛИ

"Вас, верно, бранят за меня?" — спрашивал меня Алексей Михайлович Ремизов в одном из писем 1953 года. Я редактировал в то время журнал "Грани" и в них напечатал несколько ремизовских вещей: "Статуэтка", "Потихоньку, скоморохи, играйте", "Сказки", "Три письма Горького". Переписка наша и разговоры (я заходил на улицу Буало неизменно, когда бывал в Париже) не ограничивались только деловыми, редакционными вопросами, — возникло немало чисто литературных, творческих тем, среди которых темы "Как пишем?" и "Критики и читатели" были из самых частых. Я познакомился с А.М. уже после смерти Серафимы Павловны, его жены, и впечатление одиночества, некоей, я бы сказал, оторженности от читательских кругов уже очень слабого здоровья, слепнувшего писателя было, может быть, самым сильным. Любительские фотографии, которые делал я на улице Буало (одну из них предлагаю здесь), подкрепляли это впечатление.

еще в одном письме от 6 октября 1953 года: "В России казалось, за границей на русскую книгу падки, а на самом деле — говорю за 30 лет — все, что хотите, только не книга. Сначала я думал, так только ко мне — в эмиграцию попали непривычные к книге, но скоро увидел, так и с другими, и что за граница пустыня — "прекрасная мать пустыня"

А.М. Ремизов

Вспомнилось мне о Ремизове, когда — совсем недавно — вышла переизданием его "Взвихренная Русь" с комментариями Андрея Козина (один из псевдонимов многограннейшего — поэта, прозаика, профессора, литературоведа-текстолога — Бориса Филиппова). Я собрался было писать на нее отклик, но меня опередила содержательная статья А.В. Бахраха, так что вместо отклика, состоялся лишь этот очерк.

Итак — о читателе. Жалоб на то, что Ремизова читать трудно, появлялось предостаточно — был он, без сомнения, писателем не для всех. "Меня долбит тридцать лет: пишу не по-русски. Чувствуете, какое тут серое..." (точками обозначено совсем неразборчивое, как часто в ремизовских письмах, слово). И

ЛИТЕРАТУРНЫЙ НЕКРОЛОГ

Алексей Михайлович
РЕМИЗОВ

24 июня 1877 г. Москва 8 сентября 1902 г. начал печататься. Москва. За 50 лет издано 88 книг и 5 книг переводов с немецкого и французского. 2-ого декабря 1907 г. вышла первая книга "Посолонь".

Далее следует перечень созданных книг, в том числе 14 — неизданных. Часть неизданного была опубликована в последние годы жизни А.М., но названия

неопубликованного расходятся со списком, приведенном Андреем Козиным (стр.533), так что ремизовская библиография, вероятно, требует еще уточнения. Читательские жалобы на Ремизова обычно двутипны; многих приверженцев реалистически-познавательной традиции в русской литературе отпугивает своевольный сюжетный и визуальный "опрокидон" иных ре-

мизовских страниц. Это не только знаменитые ремизовские сны, но вот, например, в главке "В деревне" упомянутой выше книги "Взвихренная Русь", наряду с фактографическими записями, встречаем такие пассажи:

"... пришел Пришвин, на себя не похож, расстроенный: хохол взбит, из носу волос, из ушей волос. "Я Каменный мост проглотил!" — сказал раздельно не своим голосом, кивнул и пропал."

Или:
"Я зачихал себе в рот целого цыпленка, давлюсь, рукой помогаю, а никак не прогложу. Вижу — Андрей Белый: его подвизывают к трапези, и он кружится, как мельница, совсем голый — по телу редкие волосики вроде

(Окончание на 8 стр.)

СТИХИ Е. ДУБНОВА

Я боюсь не случайно.
Я это волнение знаю.
Ночью пахнут цветы,
и светло так, что больно глазам.
На губах поцелуй
свою жадную дрожь оставляет.
И уйти от себя,
и от света укрыться нельзя.
Как понять и назвать
это нервно-невнятное чувство?
Свято носишь в себе
унижение свое и вину.
Ночью руки на плечи
ложатся тревожно и чутко.
Я часами стою
и лицом прижимаюсь к окну...
Нет, не вырваться мысли
из запертой клетки на ветер,
Как не вырваться чувству
из тесных объятий строки...
...В ослепительном свете
качаются белые ветви.
Не несут облегченая
рожденные ночью стихи.

Рига, 1967

Это лето прошло,
как прошли облака,
Как над морем прошел
запоздалый закат,
Это лето прошло,
и пропал в тишине
Тот напев, что невольно
послышался мне.

Все неясные сны
в осеннее ночном,
И взволнованный шепот
цветов под дождем,
И сомнение листьев
в предутренний час —
Это лето прошло.
Отблеск в окнах угас.
Только птицы надрывно
и хрипло кричат.
Только стал по-осеннему
холоден взгляд.
Не ко времени задан,
просрочен вопрос.
Это лето прошло.
Листья ветер унес.

Рига, 1967

Торопись! — я кричу тебе вслед.
Начинает накрапывать дождь.
Торопись, чтоб остались сухими
глаза и подложная дрожь.
Сбереги их отливней судьбы,
я-то выпел сухим из воды.
На бульварах Москвы
дождь слюдой застилает следы...

...Замечает следы,
замывает следы,
прячет в воду следы.

Париж, 1971

Борис Филиппов

МЫСЛИ НАРАСПАШКУ

«ПАТРЕТ»

Знаете ли вы, что такое "холодный сапожник"? Нет? А ведь еще и в тридцатых годах на базарах маленьких, да и не только маленьких городов сидели на ящиках обычно уже подстарковатые, небритые — всегда мрачные — типы, от которых за версту разило сивухой. Перед ними сидели на таких же ящиках разутые клиенты, лениво перебрасывающиеся фразой-другой с мастером в опорках на босу ногу. Вот про них-то, очевидно, и сложилась поговорка: сапожник

без сапог. Занимались холодные сапожники только неотложной — на ходу — починкой обуви, какую обычные, более солидные мастера чинить наотрез отказывались. Пришить заплатки на уже совсем разлезающуюся обувь, подбить, вместо разношенных до дыр подошв, ношенные и переносенные, но еще не дырявые подметки, набить каблуки вместо окончательно скосоурившихся набоек — вот и вся полностью деятельность "холодняков", дававшая им жалкие гроши, но позволявшая пропойцам купить пирог с требухой и шкалик водки. Толстая палка, завершенная железной колодкой — их рабочий станок, а в ящиках — они же и сиденья мастера и заказчика — грязные старые каблуки и голенища изношенные вдрызг подметки, лоскутки кожи, шило, дратва, куски смолы.

Вот к такому-то холодному сапожнику и попал я на базаре пыльного южного городка, когда на летних каникулах отправился — в составе небольшой этнографической экспедиции — к остаткам кочевых племен Северного Кавказа. В разгар НЭПа базары были, пожалуй, наиболее красочными пятнами на, в общем и тогда унылой и серой, советской действительности.

— Эй, генерал, — крикнули моему сапожнику торговки семечками и бубликами, — не задерживай долго парня: ему, видать, невтерпёж...

— Почему тебя зовут генералом? — спросил я сапожника, высокого худощавого пропойцу в невообразимых отряпых и дырявых калошах на костистых ногах, но в засаленной солдатской бескозырке. Заросшее седой щетиной лицо, прорытое немногими, но глубокими морщинами, почти не поседевшие рыжие брови и усы с закрученными повильгельмовски кверху кончиками, пронзительные птичьих глаза. Лет ему было за семьдесят.

Да вот потому, парень, что был я тогда на действительной. А служба-то была тогда сурьезная, не то, что теперь. Служили мы долгонько. Я ведь с Белым Генералом и под Плевной был, всю Болгарию прошел, две нашивки уже тогда заимел. А вот, как, значит, скоро уже выходить в чистую, вызывает меня наш ротный, — хороший был штабс-капитан, убили его, как слышал, уже после, в Японскую, — и говорит, что полковой командир поручил ему подыскать солдата для какого-то патретиста, такого солдата, который бы корпусом, фигурой, значит, на Белого Генерала был бы схожий. Патрет ему со Скобеля офицера наши заказали списать для офицерского собрания, ну, а Белому-то Генералу долго рассиживаться неохота и некогда, ему только для личности перед патретистом посидеть, и то начерно личность его по карточке фотографической подготовил патретист, ну, а фигуру чтоб с солдата списать, с генералом сильно схожего. А окромя меня ни одного такого солдата и не нашлось.

Патретист был вовсе небольшой, торопливый такой, все вокруг меня бегал и то так, то поиному меня усаживал, а то и устанавливал прямо во фронт. Никак не находил нужного состояния. Однако нашел, наконец. Одели меня в генеральскую полную форму — сапожки шевровые блестят, как серебряный кофейник у полкового адъютанта, сабля блестят, еполеты тоже, — ну, не ефрейтор Федор Егоров и георгиевский кавалер, а форменный генерал от инфантерии или кавалерии, — смеются офицера. А патретист суетится все, то саблю повернет наизнанку, то еполет отдернет — совсем не по чину: известно, штафирка, на действительной никогда не состоял, говорит — так, мол, лучше для какого-то цветового блику.

— А кто был художник-то, не

помнишь? — перебил я рассказчика.

— Да нет, он был сурьезный мастер, не художник. Художники-то только по вывескам, а то был патретист. Фамилии ему какое — не помню, а звали, кажись, Ильей Ефимычем. Небольшой, но шустрый такой, — и офицера все к нему с полным уважением, за ручку даже здоровались... Ну, вот так: с тех пор меня и ротный, и фетьфебеля, и все офицера, и солдаты все кликали не Егоровым, не Федькой или Федором Гнатьевичем, а только "генерал" да "генерал". Так и пошло. И это форменный факт: даже сам Скобелев, как вызвал меня — для сравнения патрета с фигурой, на ужине в офицерском собрании, — так и он говорит: лицом, мол, только не дошел, а по целной фигуре — прямой главнокомандующий. Вот и пошло так после. Вышел в чистую, а зовут меня и поныне генералом. Ни в какую по имени-отчеству. Так и драгнутся все: придут ко мне в мастерскую заказчики — я тогда хорошую мастерскую имел, и не здесь, а в губернии, и подмастерье был у меня, и два ученика, — спрашивают, значит, заказчики: — А как, генерал, сапожки-то к четвергу закончите шитьем? — Я первостатейный мужской мастер был, починки ни в какую не принимал. — Сварганю и к среде, — отвечаю, — мне самые фасонные сшить полпустяка...

Да только вот это-то генеральство боком мне вышло. Не то что возгордился, но досадно: сам Белый Генерал мне тогда руку подал, похвалил, а тут всякая штатская иванька называет генералом как в талмешку. Сам Скобелев, — упокой его душу Вседержитель-Господь (жалко только, что по бабам сильный ходок был) — сам Белый герой меня генералом без насмешки называл, а эти... Тыфу!

Вот и запил я. Спервоначалу аккуратненько, не очень. А с течением время все спустил: и мастерскую, и всю справу, и струмент. Вот теперь и живу, где придется, и холодняком стал.

Ну, да что языком трепать попусту. Примай свои шеры, еще месяца три продержатся. Топай, парень, хватит болтать. С тебя три четвертака.

Эдуард Тополь

КАК РИЧИ РАЗОБЛАЧИЛ ТАНЦОРА СТЕПАНОВА

ИЗ ЦИКЛА
"АСИНЫ РАССКАЗЫ"

Я уже рассказывал о моем вашигтонском приятеле королевском пуделе Ричи, который совершенно замечательно исполняет песни Людмилы Зыкиной и Клавдии Шульженко. Стоит его хозяину или хозяйке сказать: "Ричи, как Клава Шульженко "Синий платочек" поет? Ну-ка! Синенький скромный платочек..." — и Ричи тут же начинает тонким жалобным голоском выводить мотив этой песни. "А как Зыкина поет? Ну, как Зыкина поет "Издали долго течет река Волга"? — и Ричи абсолютно точно подпевает.

Хозяйка Ричи собирается переезжать из Вашингтона в Нью-Йорк, и тогда я попрошу их выступить с Ричи на одном из детских утренников Культурного центра творческой интеллигенции, и вы сами увидите и услышите, как Ричи замечательно танцует и поет. Да, да, он еще и танцует, потому что живет и воспитывается в семье замечательных веселых и талантливых балетмейстеров Юлия и Любы Взоровых. Кто такие балетмейстеры? Это такие особенные люди, которые ставят балеты и учат танцоров и балерин танцевать правильно и красиво. Так вот, представьте себе, какая жизнь у моего приятеля Ричи: каждое утро он садится или в "Олдсмоби" к своему хозяину Юлию, или в "Пежо" к своей хозяйке Любе и едет с ними в их балетную студию на занятия. Там он целый день наблюдает, как репетируют танцоры и балерины, и, конечно, уже давно выучил наизусть "Земляк" или "Танго"

ворит ему Юлий, а где ты живешь? Нигде, говорит Степанов, я еще не живу, ищу квартиру. О'кей, говорит Взоров, приезжай ко мне, поживешь у меня, пока устроишься, у меня два дома в Вашингтоне, оба трехэтажные, а живем мы в них всего вдвоем — я, моя жена и Ричи. Так что и для тебя место найдется.

Ну вот, поселился, значит, этот артист у Взорова, ел, спал, пил по вечерам коньяк и водку, шашлыками закусывал, в балетной студии занимался, и все — даром, конечно, по дружбе. Потом устроил его Взоров в Нью-Джерси, в балетный театр, и тут вообще все хорошо стало у этого Степанова: и работа есть, и квартира, и друзья в Нью-Джерси — замечательный, например, музыкант Владимир Чижик, у которого Степанов тоже каждый вечер ел-пил, шашлыками закусывал. И вдруг в один прекрасный день пошел Степанов в советское посольство и обратно в Советский Союз попросился. И — раз, через два дня он уже в Москве, и в самой большой газете "Известия" напечатал статью, как ему плохо жилось в Америке и как трудно тут жить "бывший танцор" Юлий Взоров, просто голодает и бедствует. А, мол, бывший музыкант Володя Чижик, женатый на миллионерше, до того обнищал, что на бирже акциями торгует.

И вот сразу после этой статьи приезжаю я в Вашингтон, сидим мы вечером на лужайке перед домом Юлия Взорова, жарим шашлыки из лучшей баранины, пьем замечательное французское вино, читаем газету "Известия", и Юлий Взоров говорит Ричи:

отдали дяде Юре за его статью о нас.

Но этого уже Ричи не мог допустить — чтобы Степанова за неправду таким замечательным мясом кормили, поэтому он тут же съел кусок мяса, а я спросил у Ричи:

— А как ты думаешь, Ричи, почему Степанов обратно в Советский Союз уехал? Может быть, это у него такое специальное задание было: поехать в Америку, пожить тут несколько месяцев, а потом вернуться и всем рассказывать, как тут плохо живется, мол, мы тут все просто голодаем и бедствуем. А?

— Гав, гав! — сказал мне Ричи.

— А для чего? Как ты думаешь? Может быть, для того, чтобы напугать других артистов и чтобы они перестали бежать из Советского Союза?

— Гав, гав! — сказал Ричи, что означало — "да, да, конечно!"

— Молодец, — сказала ему Люба Взорова. — Вот теперь ты действительно разоблачил этого Степанова. Скушай вот этот кусочек баранины. А потом мы с тобой еще газету "Известия" прочитаем, где про нас написано, как мы тут мучаемся. Хорошо?

Но Ричи как увидел газету "Известия", так и от мяса отказался: весь аппетит у него, наверно, эта газета отбила.

От автора:

Если вы хотите получить книгу "Асины рассказы" по льготной цене, сообщите свой точный адрес и пошлите монет-ордер или чек на 5 долларов по адресу: Cultural Center, 147 W 42 Str., apt. 816, NY NY 10036.

(Начало на 5 стр.)

куриных, когда курицу щиплют."

Написано это было лет 50-60 тому назад в духе творческих поисков того времени. Не могу не отметить попутно: кое-кого из современных читателей поражает зыгонство ряда литераторов, освободившихся от пут советской цензуры и экспериментирующих в направлении абсурдизма. "Удивительно! — говорил мне на днях один из таких ревнителей внятности творческого слова. — Полсотни лет жаловались на кляп во рту, а когда выплюнули кляп — несут абсурдистскую гиль. Воистину, значит, сказать нечего!"

Читательские жалобы другого порядка касались — читательской же трудности ремизовского речевого склада: его сказовости, его свободного, порой причудливого словоотбора. Влюбленный в узорчатую выразительность русской народной, русской старинной речи, Ремизов воскресил формы ее и звучание в современном литературном языке, был в этом учителем многих своих современников ("Я отучил Пильняка от отлагательных", — писал мне в одном из писем); но и пишущим в наши дни есть чему учиться у этого удивительного мастера творческого слова.

Живой, разговорный строй фразы, изумляющие, как находки, слова — этого не объяснишь! А чтобы показать как-то, я позволю себе привести целиком одну из ремизовских сказок, напечатанных мной когда-то в "Гранях" и почти никому не известных. "Посылаю Вам для развлечения сказки, — писал А.М. в сопроводительном письме, — Присказка, 9 сказок и та-

А. М. РЕМИЗОВ И ЧИТАТЕЛИ

ЖУРАВЛИНАЯ МУДРОСТЬ

"Наше болото тихое, берега отинены, остров незабудок. Житье журавлю: без рыбы спать не ложился.

А хорошо, когда глаз зорек и нос чует. Да под молотом годов и сама ящурова цепь трущится. Состарился журавль, куда уж там рыбу ловить! Оголодал. Падает перо, и на ноги не боек.

Бросил журавль болото и пошел к горе: авось, пощастливится! И как будет подыматься в гору, еж ему на дороге.

— Что нос повесил? — говорит еж.

— Да не до песен, — журавль бессильно пожевал клювом, — питался я рыбой вдвоем: и поужинаю, и на обед. Без рыбы мне, что тебе без хлеба. И жить бы так, варланиться, а пришли на болото два рыбака, шушукались: "выловим, — говорят, — всю рыбу."

Еж вдруг взыгнулся, что поejoинному "готов", и клубком покотился с горы на болото. И прямо к рыбакам. И рыбакам все рассказал, что слышал от журавля о рыбаках.

А журавль не дурак, смекнул и за ежом на болото. Подтянулся, ходит по берегу, прохлаждается.

Рыбы говорят ежу: — Надоумь.

— Чего там рассуждать, — говорит еж, — а вы посоветуйтесь с журавлем.

Задыхаясь от страха, рыбы — к журавлю:

— Какие рыбаки приходили, хотя нас всех поймать, а мы не хотим!

— Одно вам скажу, — подумав, сказал Журавль: — переходите на другое место. Тут не-

далеко, знаю, есть болото: воды больше, и тростник гуще. Корм вы "айдете".

— А ты нас перенеси.

— Боюсь, — сказал журавль, сам уж все наперед рассчитав, — кабы рыбаки не нагрянули. Сразу всех никак не успеть. Разве понемногу.

Рыбы на все согласны: готовы и на "понемногу", только бы рыбакам в ведро не попасться.

— Мы тебя поблагодарим.

— Не за что.

И без разговоров принялся журавль за рыб.

А и правда, вот и не ждешь, откуда помощь приходит.

Всякий день на обед и на ужин приносил рыб на гору: перенесет и съест.

А рыбакам и невдомек: рыбы только и ждут — каждая своей счастливой очереди — попасть в надежное место, где и воды больше, и корм, а главное — безопасно.

Не по злой неделе сытый, вышел журавль со своего болота на гору поразмяться. И как будет у ежиной норы, еж ему навстречу.

— Охота мне взглянуть, говорит, куда это ты рыб пристроил?

— А садись на меня. Я тебя живой рукой доставлю. Места привольные! — Журавль от удовольствия мягко поплавал над ежом крыльями, а сам думает: "съем я и тебя, дружок, заодно."

Еж передними лапами уцепился журавлю за шею. Журавль встряхнулся. И понес дружка в привольные места — кладбище глупых рыб.

И еж, как увидал: ни вода, ни тростник, а брошены лежат рыбы кости, вчуял всем сердцем свою неизбывную пи-

бель. И крепко обвился лапами вокруг шеи друга, ища себе спасения.

И задуши журавля."

Возвращаясь к заглавной теме, приведу кое-что из переписки с А.М. Ремизовым. Письмо от 30 марта 1954 года:

Дорогой Леонид Денисович! Все еще остается месяц мыка, но и белые ночи, или в Лунде они темные, как в Париже, отуманенные туманом?

Я вам все посылал о себе французские отклики, а вот русское "в шею" (...) Сейчас в Чеховском издательстве поднялось гонение на моего "Иверня", рукопись подана для издания. Говорят: "не для нашего читателя". Я согласен, я не продажный. И я готов заменить название книги — взблеск "Иверня" черепашным "Кочевник", буду доволен (?) и самым маленьким гонораром, какой для приличия дается заштатным писателям. Для меня важна книга: я рассказываю, как и почему я стал писать, о встречах — люди и нелюди (Устьесольская кикимора). Пишу это Вам, Вы поймете. Ведь все мои доброжелатели — они не позабудут, принесут мне хлеб, молоко, папи-

ро, но все они на стороне праведных судий и оценщиков искусства с карманными словарями русского языка. Трудно защищаться, пробую стороной раззяснить Александровой мое право просить о издании книги, хотя бы и не для "нашего читателя".

Это мое весеннее письмо для Вашего исторического архива. Алексей Ремизов.

И еще отрывок из письма (7 августа 1954) в заключение: (...)

В Preuve напечатали из "Взвихренной Руси" № 42 с предисловием пана Чапского. Некого послать в редакцию (все гуляют). В La Revue de la Culture Europeenne — из "Пляшущего демона". № задержан до октября. Гонорар я не получил, а для поощрения прислали шампанского. Вот я и думал: приедете в Париж, будет чем угостить. Непродажное, из виноградников издателя. Боюсь, трудно Вам будет мое письмо: сегодня туман, пишу, не разбирая своих букв. Слово Чапского в Preuve, а главное портрет, — Чапский хотел представить меня Пузырем из Вия — тронет сердце Чеховского издательства, и редакция решится напечатать мою книгу "Иверень".

Алексей Ремизов

ЛЕОНИД РЖЕВСКИЙ

YESHIVAH OHEL MOSHE

7914 Bay Parkway & 80 St., Brooklyn. Тел. 236-4003.

ВСЕМ РОДИТЕЛЯМ!

Регистрация на 1980—81 учебный год!

Отличное здание. Транспортировка. Горячие завтраки. Квалифицированный персонал (иврит и английский). Индивидуальный подход. Минимальная плата.

В школе работают: ясли, детский сад, подготовительная группа. Ждем Вас у нас в ешиве.